
УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-1/21-32

Научная статья

© В. Е. Козлов, Т. А. Титова

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: ДЕКОНСТРУКЦИЯ ИЛИ ЛОКАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИИ

В статье проанализированы особенности религиозной идентичности у русского населения Республики Татарстан. Охарактеризовано ее место в структуре социальных идентичностей, роль в повседневной и духовной жизни у различных социально-демографических групп русских. Выявлены предпочтения в религиозных практиках и их взаимосвязь с этнокультурными потребностями у горожан и сельских жителей. Теоретической основой исследования является герменевтический подход, позволяющий интерпретировать феномены социальной реальности, имеющие высокую символическую значимость. Источником для теоретических обобщений послужили материалы комплексного этносоциологического исследования современного русского населения Республики Татарстан, проведенного осенью 2022 г. с использованием как количественных (массовый опрос), так и качественных (глубинные интервью, фокус-группа) методов. Полученные результаты свидетельствуют о сложном характере взаимосвязи религиозного, этнокультурного и секулярного в различных социальных и демографических группах русских Татарстана.

Ключевые слова: религиозная идентичность, структура идентичностей, религиозные практики, этничность, этнокультурные потребности, межрелигиозные отношения, социально-демографическая группа

Ссылка при цитировании: Козлов В. Е., Титова Т. А. Религиозная идентичность русского населения Республики Татарстан: деконструкция или локализация традиции // Вестник антропологии. 2024. № 1. С. 21–32.

Козлов Вадим Евгеньевич — к. и. н., доцент кафедры антропологии и этнографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Российская Федерация, 420008 Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1). Эл. почта: vadim.kozlov@list.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7152-152X>

Титова Татьяна Алексеевна — д. и. н., профессор кафедры антропологии и этнографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Российская Федерация, 420008 Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1). Эл. почта: tatiana.titova@rambler.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5921-3287>

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-1/21-32

Original article

© *Vadim Kozlov and Tatiana Titova*

RELIGIOUS IDENTITY OF THE RUSSIAN POPULATION IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN: DECONSTRUCTION OR LOCALIZATION OF TRADITION

In the article we examined the religious identity of the Russian population in the Tatarstan Republic, characterized its place in the structure of social identities and its role in the daily and spiritual life of different socio-demographic groups of Russians. We also revealed the preferences in religious practices and their interrelation with the ethno-cultural needs of urban and rural people. The theoretical basis of the research is the hermeneutic approach which allows to interpret the symbolic significance of the social reality phenomena. The theoretical generalizations are based on the data of a comprehensive ethno-sociological study of modern Russian population in Tatarstan conducted in the autumn of 2022 using both quantitative (mass survey) and qualitative (in-depth interview, focus group) methods. The results obtained show the complex nature of interaction between the religion, ethnic culture and the secularization in different social and demographical groups of Russians in Tatarstan.

Keywords: *religious identity, structure of identities, religious practices, ethnicity, ethno-cultural needs, interreligious relations, socio-demographic group*

Authors Info: **Kozlov, Vadim E.** — Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of Anthropology and Ethnography, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: vadim.kozlov@list.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7152-152X>

Titova, Tatiana A. — Professor, Doctor of History, Professor of the Department of Anthropology and Ethnography, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: tatiana.titova@rambler.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5921-3287>

For citation: Kozlov, V. E. and T. A. Titova. 2024. Religious Identity of the Russian Population in the Republic of Tatarstan: Deconstruction or Localization of Tradition. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 21–32.

Роль православия в жизни русского населения традиционно отмечается в качестве ключевой в воспроизводстве системы нравственных понятий на протяжении многих поколений (Русские: 616). Вместе с тем научное описание особенностей его религиозности исторически носит неравномерный характер, обусловленный в том числе и различной степенью изученности этнотерриториальных групп самого многочисленного и расселенного народа страны. В частности, систематическое изучение русских жителей Казанской губернии, а в последствии ТАССР началось лишь со второй половины 1940-х годов (Гуцина 2023: 55). Несмотря на наличие отрывочных сведений о нем в работах XVIII–XIX веков и даже с образованием в 1877 г. Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, самостоятельные монографические труды о местном русском населении от-

существовали. Ученые ограничивались фиксацией некоторых фольклорных традиций (Андреев 1853) и описанием отдельных поселений (Ардашев 1849), используя скорее краеведческий формат подачи материала.

Формирование во второй половине XX в. самобытной этнографической школы в Среднем Поволжье (позднее Казанском Поволжье) под руководством Е. П. Бусыгина и Н. В. Зорина позволило сделать качественный рывок в научном изучении местного русского населения. Но идеологические рамки советской этнографии не позволили выделить такую важную сторону духовной и повседневной жизни как религиозная в отдельное направление исследований. Фрагментарно соответствующие сюжеты присутствовали в описании социальной и духовной культуры, часто приобретая негативно окрашенные коннотации. На рубеже 1980–1990-х годов русские как центральный объект изучения для нескольких поколений казанских этнографов сместились на периферию, уступив место обобщенному объекту — «населению Республики Татарстан».

Религиозный ренессанс первого постсоветского десятилетия актуализировал проблему изучения места и роли религии в жизни российского общества и народов его составляющих. В Татарстане в этот период был осуществлен ряд исследований, посвященных вопросам религиозной идентичности и религиозным практикам в группах этнического большинства (Мусина 1998; Мусина 2002). Полученные результаты отражали общий уровень религиозности и актуальность религиозных практик у населения республики, так как предметом анализа являлись сравнительные особенности религиозности татар и русских. Но при этом отсутствовало комплексное описание всей палитры религиозных тем в общем контексте культуры современного русского населения. Лишь в первой половине 2010-х гг. возобновились исследования русских Татарстана в качестве самостоятельного объекта научного изучения. В 2014 г. авторами настоящей статьи было осуществлено исследование, посвященное особенностям религиозности русского населения республики, и некоторые результаты нашли отражение в публикациях (Козлов 2014). Тем более актуально посмотреть на те же проблемы спустя восемь лет, чтобы понять характер и динамическую направленность этой стороны групповой и индивидуальной жизни местного русского населения.

В настоящей статье используется ряд понятий, трактовка которых требует уточнения авторской позиции. В частности, под термином деконструкция подразумевается не столько отсылка к известному философско-аналитическому методу (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер), сколько фиксация сложных социокультурных процессов в конкретных тематических и временных рамках. Еще одним важным понятием, к которому прибегают авторы, является идентичность. Ее мы рассматриваем как ключевой императив, определяющий не только сам факт включенности человека в группу, но и принятие им характеризующих ее ролевых моделей и атрибутов. Вместе с тем, в литературе часто говорят о структуре или иерархии идентичностей. Этим подчеркивается не только тот факт, что сложность социальной реальности формирует в течение жизни у каждого человека различное количество ассоциаций (отождествлений) с группами, но и разную степень их усвоения и желания следовать маркирующим моделям. Сочетания и иерархии социальных идентичностей индивидуальны, но в пределах крупных сложно структурированных общностей устойчивая повторяемость структур индивидуальных идентичностей создают сам феномен групповой идентичности. Именно групповая форма идентичности обладает по аналогии с «кол-

лективными представлениями» (Дюркгейм 2021) важной организующей и управляющей функцией. Поэтому ей уделяется значительное место в дальнейшем анализе.

В рамках массового интервьюирования использовался ряд вопросов, направленных на выявление как собственно приоритетных типов идентичностей у респондентов, так и каузальную (объясняющую) составляющую данной иерархии. Сам вопрос, дававший респондентам возможность выбрать различные типы социальной идентичности, имел мультивариантный полуоткрытый формат, то есть позволял каждому участнику опроса выбрать до трех наиболее привлекательных вариантов и дополнить своим собственным в случае отсутствия подобного в имеющемся перечне. Результаты распределены в процентах от общего количества всех данных респондентами ответов в порядке убывания, также указывается общее количество респондентов, выбравших данный вариант ответа (Табл. 1).

Таблица 1

Отметьте, пожалуйста, кем вы себя в большей мере ощущаете	% от общего количества ответов	Количество ответивших чел.
русским	25,9	704
мужчиной (женщиной)	23,8	647
гражданином России (россиянином)	16,2	441
жителем Татарстана (татарстанцем)	11,5	312
представителем своего поколения	8,1	221
представителем своей профессии	6,4	174
православным (христианином)	4,3	118
кем-то другим	2,7	73
затрудняюсь ответить	1,0	28

Источник: ПМА Ф. 1.

Примечательно, что такая «традиционная» идентичность, как религиозная занимает одно из последних мест в выделенной структуре социальных идентичностей, уступая даже «поколенческой» и «профессиональной». Ее отметили 118 респондентов из 1200 принявших участие в опросе или около 10%. Данный результат может свидетельствовать о высокой степени секуляризованности современного русского населения Татарстана, что, по нашему мнению, является следствием высокой урбанизированности этнической группы в республике уже на протяжении нескольких поколений.

Из интервью:

«Интервьюер: Как Вы считаете, запрос на религиозную идентичность на православие есть сейчас у современного русского населения в широком смысле?»

Р: Я могу сказать, что, конечно, был серьезный период, когда всплеск даже интереса был.

Интервьюер: Это в какие примерно годы?

Р: Это было, наверное, начало двухтысячных. Даже не в 90-е. А вот дальше мы ко всему привыкаем». (ПМА Ф. 3. Жен., 64 года).

Анализ структуры идентичностей с позиции социальных страт: возрастной, ген-

дерной и локальной (город/село) позволяет уточнить внутригрупповые детерминанты идентификации. В частности, в разрезе возрастных групп показатель религиозной идентичности в самой старшей возрастной категории (лица от 51 года и старше) оказался выше, чем в среднем по выборке почти в два раза и составил около 8% от общего числа данных ответов респондентами этой категории.

Религиозная идентичность также рассматривалась в рамках исследования в качестве важного элемента общекультурной самоидентификации наряду с этнической.

Таблица 2

Считаете ли вы себя верующим человеком?	%	Количество ответивших чел.
да	33,9	407
скорее, да	27,5	330
скорее, нет	16,3	195
нет	20,3	243
затрудняюсь ответить	2,1	25

Источник: ПМА Ф. 1.

Представленные в *Табл. 2* результаты интересны тем, что в случае с однозначно утвердительным вариантом ответа и однозначно отрицательным доли оказались больше чем в компромиссных, что является достаточно необычным. Как правило, респонденты чаще выбирают именно смягченные варианты ответов, что позволяет им выражать свое сложное отношение к предлагаемой ситуации. В данном же случае респонденты наоборот посчитали для себя приемлемым выразить четкую однозначную позицию. Это свидетельствует, по мнению авторов, о наличии внутренней поляризации мнений в обобщенной группе русских Татарстана по отношению к фактору религии в современном обществе. Если объединить тех, кто в целом считает себя верующим и тех, кто таковым себя не считает то получится примерное соотношение 60%/40%. Это соответствует высказанному выше мнению о высокой степени секуляризации русского населения. Стоит отметить, что аналогичное распределение по принципу верующие/не верующие имело место и по результатам исследования 2014 г. (*Козлов 2014: 103*).

Для уточнения взаимосвязи религиозной идентичности и социальных характеристик респондентов рассмотрим двухмерные корреляции.

Таблица 3

Считаете ли вы себя верующим человеком?	18–30 лет	31–50 лет	51 и старше
да	15,5%	29,5%	57,7%
скорее, да	19,3%	33,6%	27,9%
скорее, нет	24,0%	19,8%	4,1%
нет	37,1%	15,7%	9,2%
затрудняюсь ответить	4,1%	1,3%	1,1%

Источник: ПМА Ф. 1.

Очевидно, что именно респонденты старшей возрастной группы являются наиболее религиозной категорией с долей верующих более 85%, а представители младшей — самые секуляризированные, насчитывая более 56% неверующих. Представители средней возрастной группы в данном случае продемонстрировали в целом позиции более близкие к старшим среди тех, кто отметил себя как верующих, но имея долю неверующих в пределах средней по выборке, в то время как у старшей возрастной группы доля таких лиц значительно меньше (Табл. 3).

Таблица 4

Считаете ли вы себя верующим человеком?	город	село
да	36,2%	28,0%
скорее, да	21,9%	42,0%
скорее, нет	16,6%	15,5%
нет	23,4%	12,2%
затрудняюсь ответить	2,0%	2,4%

Источник: ПМА Ф. 1.

Можно было предположить, что в вопросах религиозности распределение по принципу город/село будет иметь значительный коррелирующий эффект. Но как мы можем заметить, в данном случае возрастной фактор оказал значительно более существенное влияние на позиции респондентов. Горожане в целом уступают сельчанам по доле верующих и обгоняют по доле неверующих, но разрыв совсем не такой принципиальный как между самыми молодыми и самыми возрастными респондентами (Табл. 4).

Таблица 5

Считаете ли вы себя верующим человеком?	мужчины	женщины
да	28,7%	38,7%
скорее, да	29,9%	25,2%
скорее, нет	17,3%	15,3%
нет	21,8%	18,8%
затрудняюсь ответить	2,2%	1,9%

Источник: ПМА Ф. 1.

В распределении по гендерному принципу (Табл. 5) мы наблюдаем картину скорее схожую с предыдущим вариантом город/село, чем с распределением по возрасту. Есть видимые различия в позициях мужчин и женщин, где у вторых больше верующих, а у первых немногим больше неверующих. Но в целом различия, как и среди горожан с сельчанами не критичны. Таким образом в случае с религиозной идентичностью ключевым фактором поляризации позиций оказывается не пол и место жительства, а возраст респондента.

Из интервью:

«Интервьюер: Ну, а когда в последний раз ходили в церковь?»

Р: Когда в последний раз ходила, народу было больше. Может быть, ковид, может быть, погодные условия, была такая холодно-морозящая. Но я думаю, что если дело в религии, то погодные условия не должны играть роль.

Интервьюер: А по составу кто там присутствовал? Бабушки?

Р: Нет, бабушки не ходят практически. В основном это женщины 50–60 лет.

Интервьюер: Те, что раньше считались бабушкой, а сейчас считаются женщиной среднего возраста.

Р: Да, и чуть-чуть помладше, лет 30–40 тоже присутствуют.

Интервьюер: То есть от 30 до 60 средний возраст?

Р: Да. Молодежь есть, но их меньше.

Интервьюер: Мужчины?

Р: Мужчины тоже есть, но их процент меньше, но они есть. Также самое, когда приходишь в храм на воскресную службу, народу немного, но он есть. (ПМА Ф. 3. Жен., 37 лет).

Для иллюстрации ситуации с точки зрения мотивов показателен вопрос о том, что такое вера для современного человека.

Таблица 6

Одни люди считают, что религия передается от старших к младшим, как культурно-духовное наследие народа. Другие, что религия — это личный выбор, который человек делает в сознательном возрасте. Как Вы считаете, в современном обществе более правильно?	%	Количество ответивших чел.
человек сам, полностью осознанно, подходит к вопросам веры, выбора религии	48,9	587
человека на путь приобщения к вере наставят его отец и мать (семья), поскольку религию не выбирают, она передается	30,5	366
человек будет неустанно повышать свой уровень образования и культуры, и не будет нуждаться в авторитете религии	12,2	147
что-то другое: у всех по-разному	0,6	7
затрудняюсь ответить	7,8	94

Источник: ПМА Ф. 1.

Результаты, представленные в Табл. 6 на наш взгляд, соответствуют высказанному выше тезису о том, что религия рассматривается большинством современных русских как личный выбор человека. Поэтому доля респондентов с такой позицией составляет почти половину от общего числа опрошенных и превышает долю тех, кто видит религию естественным результатом инкультурации индивида почти на 20%. Если присовокупить к доле отметивших решающую роль индивидуального отношения к религии долю тех, кто ставит в прямую зависимость культурно-интеллектуальный уровень человека с его отказом от религии, то общая доля респондентов, так или иначе отвергающих «естественную» функцию религии по отношению к тем, кто видит ее неотъемлемой частью общего культурного кода составляет 60%/30%

Из фокусированного интервью:

«Р4: Я — агностик. Возможно, что-то есть, но я это пока не увидел. Сейчас увлекаюсь изучением разных религий. Изучаю, смотрю.

Модератор: В мечети заходил?

Р4: Нет. Пока изучаю. В будущем возможно что-то выберу для себя. Я в поиске своей религии. Родители не религиозные. Меня крестили, но в церковь никто не ходит». (ПМА Ф. 2. Муж, 19 лет).

Таким образом, характеризуя структуру актуализированных социальных идентичностей современных русских Татарстана можно говорить о имеющем место не артикулированном делении их на естественные и индивидуализированные. К первым относятся такие виды как этническая и гендерная. Ко вторым — поколенческая, профессиональная и религиозная. Причем, говоря о последней можно констатировать, что она, не смотря на усилия, предпринимаемые государством на федеральном уровне в последние десятилетия так и не смогла вернуться у местного русского населения в категорию «естественных».

Сущностным элементом этнокультурных практик индивида являются исторически сложившиеся формы ритуализированных действий, затрагивающих наиболее важные стороны жизни человека в качестве представителя этнической группы. В нашем исследовании мы рассматривали среди таковых и религиозные обряды, как сохранившие наиболее регламентированный и публичный характер. Выше мы уже анализировали место религиозной идентичности и ее восприятие различными социальными группами русского населения Татарстана. В данном случае мы хотим подробнее остановиться, в первую очередь, на деятельностной стороне взаимоотношений индивида и религиозной традиции. Поскольку именно это, по мнению авторов, отражает этнокультурную составляющую религии на уровне группы (общности).

Немногим менее 60% от числа всех респондентов отнесли себя к православию. При этом отметили, что посещают церковь не реже одного раза в неделю 7,3% из которых 1,5% те, кто ходит ежедневно и еще 5,8% — по выходным. Наибольшую долю составили респонденты, отметившие, что посещают церковь только по религиозным праздникам- 31,2%. Почти 20% от общего количества опрошенных или более 31% от тех, кто отнес себя к православным отметили, что вообще не посещают церковь. Этот показатель также остается стабильным если сравнивать его с данными 2014 г. (Козлов 2014: 103).

Из фокусированного интервью:

Модератор: «Вы имеете ввиду хожу ли я в церковь? По нужде. Когда сильно хочется душевного умиротворения.

Р3: У меня есть любимый храм, я туда хожу. Ритуалы как таковые я не принимаю» (ПМА Ф. 2. Жен., 42 года).

Среди рассматриваемых социальных страт наибольшую вовлеченность в религиозные практики продемонстрировали представители возрастной группы 51 и старше — 21,5%, а вот представители двух других демографических групп показали практически тождественно низкую вовлеченность в регулярные практики — на уровне 4–5% от общего числа. С точки зрения гендерной принадлежности респондентов, также есть некоторые особенности, например, доли тех, кто регулярно посещает церковь у женщин и мужчин почти одинаковые, а вот группа тех, кто посещает

церковь по религиозным праздникам у женщин составляет 56%, в то время как у мужчин 44,5%. Место проживания также имеет корреляции с выраженными позициями, в частности, доля горожан, посещающих церковь по религиозным праздникам, составляет 54,4% и превышает аналогичную у сельчан более чем на 10%. Схожим образом распределены и доли тех, кто не посещает церковь — у горожан таких 26,1%, а у сельчан — 43,4%. Эти различия, на взгляд авторов, обусловлены скорее не личным выбором человека, а в первую очередь, наличием или отсутствием соответствующей инфраструктуры. Если в городах республики, особенно крупных за последние десятилетия создана разветвленная сеть культовых заведений и каждый горожанин, имея потребность или желание может их реализовать, не испытывая особых затруднений, то в сельской местности достичь такого уровня насыщенности церквями гораздо сложнее по сугубо экономическим причинам, которые касаются не столько строительства, сколько вопросов содержания культового сооружения в силу частой малочисленности самой сельской православной общины.

Из фокусированного интервью:

«Модератор: *В целом, если у человека есть религиозные потребности, их сейчас можно свободно реализовывать?*

P5: *Конечно.*

Модератор: *Церковь есть. Батюшка как часто приезжает?*

P5: *На службу. Он не только здесь, он еще в Буртасах. Он объезжает. Живет в Казани.*

P7: *Слишком малы приходы.*

Модератор: *А какой-то общины вокруг церкви нет? Активистов каких-то?*

P7: *Постоянно кто ходит, есть такие женщины. 5–6 человек. Пенсионеры, за шестьдесят (ПМА Ф. 2. Село Красновидово Камско-Устьинский район, Республика Татарстан).*

Еще одним достаточно показательным маркером вовлеченности индивида в традиционные практики является ритуализованное оформление такого важного события в жизни человека как вступление в брак и создание семьи. В постсоветский период был в полной мере восстановлен формат религиозного православного оформления брака, чем стали пользоваться многие русские и даже те, кто уже длительное время состоял в браке, оформленном только гражданским образом.

Из интервью:

«Интервьюер: *А вот религиозный аспект? Вы считаете себя верующей? Считаете ли Вы себя православной?*

P: *Да, считаю себя православной. К сожалению, с рождением ребенка нам стало тяжело посещать храм.*

Интервьюер: *Но Вы практикующие были?*

P: *Да, мы посещали храм, хотя бы по выходным старались.*

Интервьюер: *С мужем получается?*

P: *Да, мы вместе с мужем ездили, потом ребенок родился и пока идет сложный период.*

Интервьюер: *Какой-то у Вас свой храм был?*

P: *Мы венчались на улице Чистопольской (г. Казань — прим. автора) в храме и там же дочь крестили, мы туда же вот ходили (ПМА Ф. 3. Жен., 28 лет).*

В рамках настоящего исследования респондентам было предложено выразить свои предпочтения в вопросе оформления брака как в реальном, так и проективном вариантах (Табл. 7).

Таблица 7

Какую форму оформления брачных отношений Вы считаете наиболее приемлемой для себя?	%	Количество ответивших чел.
регистрация в органах ЗАГС	61,2	734
религиозный обряд (венчание, иное) без регистрации в органах ЗАГС	2,5	30
религиозный обряд (венчание, иное) и регистрация в органах ЗАГС, и религиозный обряд	24,9	299
«гражданский брак» (просто жить вместе, без всякой регистрации отношений)	8,8	105
затрудняюсь ответить	2,7	32

Источник: ПМА Ф. 1.

Представленные выше результаты вновь демонстрируют отмеченную ранее высокую секуляризованность русского населения республики. С учетом тех, кто выбрал вариант неоформленных семейных отношений — доля респондентов, отвергающих религиозный ритуал оформления союза мужчины и женщины составляет 70% от общего числа опрошенных. Наиболее отчетливо ориентация на «свободный» формат регламентации сожительства партнеров как семейной пары демонстрируют представители возрастной группы 18–30 лет. Среди них за вариант «просто жить вместе, без всякой регистрации отношений» выступают почти 17%, в то время как в других возрастных группах этот вариант выбрали 7,3% (в группе 31–50 лет) и 2,4% (в группе 51 год и старше). Примечательно, что вариант «регистрация в органах ЗАГС» (без религиозного обряда) во всех трех группах был фактически тождественен, а значимые различия обозначились только в варианте, где присутствовал гражданский и религиозный формат. В этом случае была обратная возрастающая последовательность: 15,8% в категории 18–30 лет, 26,7% в категории 31–50 лет и 31,7% в категории 51 год и старше. Разделение по полу не выявило значимых корреляций по предпочтениям вариантов оформления семейно-брачных отношений. В случае с распределением по месту жительства город/село заметно предпочтение сельчан в гражданском оформлении брачного союза, что мы связываем, как и в случае с регулярностью посещения церкви, в большей степени, с доступностью церковной инфраструктуры в сельской местности. Вместе с тем, отсутствие выраженной потребности в религиозной составляющей у данной категории респондентов согласно рассмотренным выше данным, может свидетельствовать о том, что даже отсутствие разветвленной культурной инфраструктуры в сельской местности не является ключевой причиной невысокой вовлеченности в ритуальные практики русских жителей.

Таким образом можно констатировать, что религиозная идентичность в целом рассматривается значительным числом респондентов как индивидуальный выбор человека в отличие от этнической. Заметна высокая степень секуляризованности в

группах молодежь и горожане, достигающая порядка 40% от количества опрошенных. Не смотря на стабильные, в сравнении с данными 2014 года, доли респондентов, относящих себя к категории верующих, а также тех, кто посещает с различной степенью регулярности культовые учреждения и религиозные праздники по мнению авторов происходит углубляющаяся формализация взаимосвязи культурно-религиозной компоненты с этнической, что и является по сути деконструкцией самой традиции. Наряду с этим идет процесс капсулизации «живой» религиозно-культурной традиции вокруг отдельных очагов, аккумулирующих человеческий ресурс. Его особенность заключается в отсутствии институализированной среды, каковой ранее являлась, например, сельская местность. Агентами, формирующими социальный капитал достаточный для удовлетворения существующего запроса — выступают сообщества, состоящие из активных прихожан конкретных приходов. Социально-демографический портрет типичного участника подобной общины не меняется уже длительное время и представляет собой женщину средней или старшей возрастной группы. Поэтому сокращение подобных приходских сообществ в русских селах республики приводит к истончению общего потенциала для религиозно-культурной трансмиссии. Тем самым процесс деконструкции и локализации религиозной традиции имеют в обобщенной группе русского населения Республики Татарстан пересекаться векторы, позволяя сохранять на определенной временной шкале достаточно стабильный потенциал воспроизводства.

Источники и материалы

- ПМА Ф. 1 — Материалы полевых исследований авторов. Фонд 1. Описание 1. Интервью с русскими жителями Республики Татарстан. 2022 год.
- ПМА Ф. 2 — Материалы полевых исследований авторов. Фонд 2. Описание 1. Фокус-группы с русскими жителями Республики Татарстан. 2022 год.
- ПМА Ф. 3 — Материалы полевых исследований авторов. Фонд 3. Описание 1. Опрос русских жителей Республики Татарстан. 2022 год.
- Андреев* 1853 — *Андреев П.* О вечерах города Свияжска. Архив РГО, разд. XIV, рукопись 7, 1853.
- Ардашев* 1849 — *Ардашев М.* Этнографические сведения о селениях Елабужского уезда (Ананьино, Мальцево и Поспелово), Архив РГО, раздел X Вятская губ. № 25, 1849. 27 с.

Научная литература

- Гуцина Е. Г.* «Читая полотенца»: русское декоративно-прикладное искусство в экспедиционных материалах Л. С. Токсубаевой // Вестник антропологии. 2023. № 2. С. 54–69. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-2/54-69>
- Дюркгейм Э.* Моральное воспитание. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 456 с.
- Мусина Р. Н.* Ислам и православие в контексте этноконфессиональных отношений в Республике Татарстан // Великий Волжский путь: развитие культурных и этноконфессиональных контактов. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. С. 93–104.
- Мусина Р. Н.* Религиозность как фактор межэтнических отношений в РТ // Социальные и культурные дистанции. Опыт многонациональной России / отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии, 1998. С. 229–250.
- Козлов В. Е. Религиозная идентичность и религиозные практики современного русского населения Республики Татарстан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6. Ч. 2. С. 102–105.

Русские: история и этнография / под ред. И. В. Власовой и В. А. Тишкова. М.: АСТ: Олимп, 2008. 751 с.

References

- Durkheim, E. 2021. *Moral'noe vospitanie* [Moral Education]. Moscow: Izdatel'skii dom Vishej shkoly ekonomiky. 456 p.
- Gushchina, E. G. 2023. "Chitaya polotentsa": russkoye dekorativno-prikladnoye iskusstvo v ekspeditsionnykh materialakh L. S. Toksubaevoi ["Reading Towels": Russian Decorative Art in L. S. Toksubayeva's Expedition Materials]. *Vestnik antropologii* 2: 54–69. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-2/54-69>
- Kozlov, V. E. 2014. Religioznaya identichnost' i religioznye praktiki sovremennogo russkogo naseleniya Respubliki Tatarstan [Religious Identity and Religious Practices of the Contemporary Russian Population of the Republic of Tatarstan]. *Istoricheskie, pholosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* 6(2): 102–105.
- Musina, R. N. 1998. Religioznost' kak faktor mezhetnicheskikh otnoshenij v Respublike Tatarstan [Religiosity as a Factor of Interethnic Relations in Tajikistan]. In *Sotsial'nye i kulturnye distantsii. Opyt mnogonatsional'noj Rossii* [Social and Cultural Distances. Experience of Multinational Russia], ed. by L. M. Drobezheva. Moscow: Institut sotsiologii. 229–250.
- Musina, R. N. 2002. Islam i pravoslavie v kontekste etnokonfessional'nykh otnoshenij v Respubliki Tatarstan [Islam and Orthodoxy in the Context of Ethno-Confessional Relations in the Republic of Tatarstan]. In *Velikij Volzhskij put': razvitie kul'turnykh i etnokonfessional'nykh kontaktov* [The Great Volga Way: Development of Cultural and Ethno-confessional Contacts]. Kazan': Institut istorii AN RT. 93–104.
- Vlasova, I. V. and V. A. Tishkov (eds.). 2008. *Russkie: istoriya i etnografiya* [The Russians: History and Ethnography]. Moscow: AST: Olimp. 751 p.